

МАРИНА СЕРГЕЕВНА АЛЬШУЛЕР*altshulermarina@gmail.com*

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Научного центра народной музыки имени К. В. Квитки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

125009 Москва,
ул. Большая Никитская, д. 13/6

ORCID: 0000-0002-6849-9608

MARINA S. ALTSHULER*altshulermarina@gmail.com*

Ph. D., Senior Research Fellow at K. V. Kvitka Folk Music Research Center, Tchaikovsky Moscow State Conservatory

13/6, Bolshaya Nikitskaya St.,
Moscow 125009
Russia

ORCID: 0000-0002-6849-9608

Аннотация**ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ ХОПЁРСКИХ КАЗАКОВ**

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2020.43.4.007>

В статье рассматриваются особенности похоронных и поминальных причитаний народной традиции в бассейне реки Хопёр. При сравнении с причитаниями других регионов казачьи похоронные плачи обнаруживают удивительную стабильность музыкально-поэтической системы — твердо закреплённые формульные блоки есть как в текстах причитаний, так и в напевах. Те компоненты, которые в плачах средней России являются мобильными, здесь типизируются и становятся закреплёнными. Работа выполнена на основе экспедиционных материалов из архива Центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской консерватории.

Ключевые слова: фольклор, народная традиция реки Хопёр, похоронно-поминальные причитания, мелодический тип

Abstract**FUNERAL LAMENTATIONS OF KHOPYOR COSSACKS**

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2020.43.4.007>

The article discusses the features of funeral and commemorative lamentations of the folk tradition in the Khoپر river basin. Comparing with the lamentations of other regions, Cossack funeral lamentations reveal the amazing stability of the musical and poetic system. There are firmly fixed formula blocks both in the texts of lamentations and in tunes. Those components that are mobile in the lamentations of the central Russia are typified and become steady here. The work is based on expeditionary materials from the archive of K. V. Kvitka Folk Music Research Center at Moscow State Conservatory.

Keywords: folklore, folk tradition of the Khoپر River, funeral and commemorative lamentations, melodic type

Марина Альтшулер

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ ХОПЁРСКИХ КАЗАКОВ

Похоронные причитания у казаков фиксировались собирателями крайне редко. Возможно, это связано с тем, что традиционная протяжная песня на Дону настолько интересна, сложна и многообразна, что прочие жанры песенной культуры казачества часто отходили для исследователей на задний план. Так, Александр Михайлович Листопадов в своем пятитомном издании «Песни донских казаков» не опубликовал ни одного похоронного плача, что говорит также об отношении фольклористов того времени к жанру причитаний как к незначительному и в какой-то степени неполноценному¹. Отдельных работ, в которых похоронная причеть у казаков рассматривалась бы с научной точки зрения, до сих пор не было опубликовано².

Между тем похоронные и поминальные плачи в этом регионе представляют собой интересное явление и заслуживают специального изучения. Объектом нашего внимания стали причитания, записанные в Урюпинском и Алексеевском районах Волгоградской области экспедициями Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории³ в 1970 и 1971 годах (руководитель — А. С. Кабанов), а также в 1999–2001 годах (руководитель — Н. Н. Гиллярова). Урюпинский и Алексеевский районы до прихода к власти большевиков входили в состав Хопёрского казачьего округа, располагавшегося на Верхнем Дону, на реке Хопёр и его притоках — Бузулуке и Кумылге.

Донская песенная традиция относится к традициям позднего формирования, сложившимся под влиянием множества социально-этнических и исторических факторов⁴. В казачьем фольклоре наблюдается доминирование мужского начала. Однако похоронная причеть — жанр, находящийся в ведомстве женщин, а, как

¹ Подробнее об этом см.: [1, 11].

² Некоторые ценные замечания по похоронной причети у казаков можно найти в работе Т. С. Рудиченко [11].

³ Далее — НЦНМ.

⁴ Подробно об этом см.: [11].

справедливо замечает Т. С. Рудиченко, «женщины, чье жизненное пространство ограничивалось домом, подворьем, улицей родного хутора или станицы», являлись «выразителями центростремительной охранительной тенденции» [11, 39]. Поэтому в похоронно-поминальном обряде до сих пор можно найти отражения устойчивых архаических верований, а в поэтическом и музыкальном отношении плачи сохраняют основы языка, типические формулы и клише.

Этнографические сведения о похоронно-поминальном обряде, записанные в этом регионе, говорят о том, что он был детализированным, разветвленным. Упомянем здесь лишь основные моменты, отражающие древнейшие мифологические представления народа о загробном существовании. После смерти родственники ставили на окно стакан воды; если она испарялась, то это значило, что покойный ее выпил. Остаток воды выливали «под образа» (под тот угол дома, где стоят иконы); туда же выливали и воду, которой обмывали покойного. Кроме того, на окно ставили пшеницу с воткнутой свечой; это зерно потом высыпали птицам⁵. Устойчивые представления о том, что мертвые до сорока дней находились в родном доме, сохраняются и до сих пор.

Процессия, провожающая покойного на кладбище, должна была останавливаться на перекрестках дорог — считалось, что там (на «крестах») Христос встречает умершего. В настоящее время на перекрестках могут останавливаться машины, везущие гроб. С покойным обязательно передавали приветы «родителям», то есть умершим до него людям старшего поколения: *«Дарагие вы наши папа, мама, встречайте там сваево сыночка, не абижайте ево там»* (х. Яминский Алексеевского р-на).

На сороковой день накрывали столы для поминовения, а потом выходили на улицу, там причитали, «провожая душу». К весьма архаичным можно отнести обычай накануне сорокового дня ходить на кладбище «звать» покойного на эти поминки. *«Как завут там, Катя, Ваня или как... Маруся, пошли с нами абедать!»* (х. Поклоновский Алексеевского р-на). В х. Нестеровский Алексеевского района, выходя за ворота, кричали *«приляти ка мне, пасматри, как я живу»*.

На Фомину неделю «христосовались с покойниками» — катали яйца по могилкам (х. Поклоновский Алексеевского р-на). *«Эта ж красная яичка на Святую катаешь на магилки и кладешь яму... Ты не успеешь абернуцца, а уж нету [яичка]»* (х. Исаковский Алексеевского р-на).

Имеющиеся у нас причетные тексты складываются из устойчивых словосочетаний, характерных как для среднерусских, так и для казачьих плачей. Эти словосочетания в поэтической форме раскрывают представления о взаимодействии двух миров. Большинство из них имеют форму прямого обращения к покойному и содержат:

- вопросы и упреки: *«и как же ты так абдумалси, и с кем же ты тама так саветылси да сваих крошачкыв бросить-та?»*, *«и куды ты улетела?»*, *«и где я тебя встрену?»*, *«и к каму я тилерь сваю галовушку прикланю?»*;
- просьбы, побуждающие к действию: *«и встань-ка, встань, мая радимья, и ты встань, праснися»*, *«прамолай ты хуть адно славечка»*;

⁵ О птицах, выступающих как образы души, см.: [12, 345].

- призывы к умершему навещать родных *«приляти, мая мамунюшка, ты на сваю падворью»* и осознание невозможности этого: *«зарастут все тваи стёжки-дарожки»*;
- сетования на одиночество и сиротство: *«и никто же мне теперь не придёт, и никто мне ничево не скажет, «и нещасною ты меня долю наделила»*.

Значительную часть текстов составляют описания личных качеств умершего и горькой судьбы оставленных им родственников. Подробно говорится и о конкретных фактах жизни и смерти покойного: *«и как же ты так сваю головачку / ды двара-та пиццот метрав ни давёз / И ни давёз ты да сваих ты крошечкав / И ани тибя ждали-та / И ани тибя сидели-стричали / И да самава позднева вечера»*.

Поэтический язык рассматриваемых причитаний нельзя назвать богатым на метафоры, однако и здесь они имеются: *«бросила ты сваих цыплятачек»* (о детях), *«развалила сваю гнёздышку, куда ж тваи птенчики прилятят»* (об опустевшем доме), *«нету у нас праваю крылышки»* и *«кремлёвская ты мая стяна»* (об умершем муже). Определенный набор метафор закреплен за причитаниями разной адресной направленности; исполнительница определила это так: *«на матери плачеш, как на матери, на ациу, как на ациу...»*.

Обратимся теперь к напевам традиционных причитаний. Если тексты содержат те же устойчивые мотивы, что и в средней России, то напевы на первый взгляд довольно сильно различаются. Об этом упоминал и А. М. Листопадов; как мы уже указывали, он ничего не писал о похоронных плачах, однако в томе, посвященном казачьей свадьбе, есть комментарии к нескольким опубликованным плачам невесты. О них ученый говорит так: «В отношении “голошения” — “причитания” невесты на Дону следует иметь в виду, что оно имеет здесь иной характер, чем на севере. Голошеньё невесты, напр., в Пинежье, — речитативной формы на фоне мелодической “причיתי певуль” (подруг песенниц). На Дону самый причет имеет мелодический характер» [10, 25].

Эти слова Листопадова можно отнести не только к свадебным, но и к похоронным причитаниям. Сами народные исполнители тоже оценивают причитание как песню — *«я на-мёртвamu-та харашо играла⁶»* (х. Нестеровский Алексеевского р-на). На вопрос о мелодике плача в х. Бугровский Урюпинского района ответили: *«да большинство пратяжна у нас, а есть, вон там, в других мястах, там как-т, как хахлы припявають, а мы пратяжна паём»*.

В диссертации, посвященной русским причитаниям, мы попробовали проследить генезис разных вариантов плача — от естественного физиологического с декламируемым текстом до различных песенных его форм [1, 57–71]. Основной плачевой моделью, характерной для средней России, мы считаем ту, в основе которой лежит нисходящее мелодическое движение в пределах терции, плавный спуск голоса, теряющего высоту. Мелодия такого плача движется плавно-поступенно, в ней велика роль речитации, во время которой проговариваются смысловонесущие слова.

⁶ Традиционную песню у казаков не поют, а «играют» [8, 21]; записи более поздних собирателей также постоянно фиксировали этот народный термин.

1 Плач. Поселок Суземка Суземского района Брянской области⁷

♩ = 69

Ох, сы - но - чек жа мой ми - лай,
 Ох, жа - лкий ж ты мо - й ро - день - кий,
 И че - во ж ты бы - стре-нь... аг мя - не у - шёл,
 И за - чем жа ты мя - не а - дну бро - сил

2 Плач. Хутор Беспаловский Урюпинского района Волгоградской области⁸

♩ = 90

И ра - ди - май ты мой, ра - ди - май бра - ту - шно - шка,
 И как жа ты так аб - ду - - мал - си.
 И с кем же ты та - - - ма ты так са - ве - ты - лси.
 Да сва - их кро - ша - - - чкыв бро - сить - та.
 И што жа ты нам ни - ка - му не шу - мнул ты,
 И што ш ты нам ни - ка - му ни ска - зал.
 И как жа та - бе бы - ло, бра - ту - шно - шка,
 ды бо - льна и тру - дна - та

⁷ Зап. в 1997 г. экспедицией под рук. Н. М. Савельевой от А. И. Панченковой 1916 г. р. И13739–11. Нотация М. С. Альтшулер.

⁸ Зап. в 1970 г. экспедицией под рук. А. С. Кабанова от К. И. Шумиловой 1905 г. р. И1215–10. Нотация М. С. Альтшулер.

Плачевая строка заканчивается голосовым сбросом и договариванием последних слогов текста приблизительно интонированной речью. Иногда последние два слога не произносятся, замещаясь всхлипами.

Типичной особенностью плачевой модели является ладовая мобильность. Мы рассматривали множество причитаний из самых разных регионов, в которых на всем протяжении не происходит закрепление лада, он постоянно меняется. Особенно часто варьируется, «мерцает» терцовый тон, большая терция чередуется с малой и наоборот. В протяженном причитании из д. Кутуково Спасского района Рязанской области талантливая исполнительница, постепенно захватывая в свой диапазон новые звуки, продолжала расширять звукоряд до конца пения (до 17 строки) [1, 91]. То же явление отмечала Н. Н. Гилярова: «ладовые структуры “перетекают” одна в другую. Терцовые подкрепляются субквартой, а трихорды перерастают в тетрахорды» [3, 212]. Чем сильнее эмоциональное напряжение, чем ближе ситуация записи к реальному оплакиванию, тем больше «плавает» лад причета, меняются его структуры, повышается общее высотное положение.

Рассмотрим теперь имеющиеся у нас причитания, записанные в Волгоградской области. Все они обладают ярко выраженным мелодическим рисунком, наиболее характерная составляющая которого — движение сверху вниз по звукам мажорного квартсекстаккорда на концах фраз, присутствующее в большинстве образцов (см. пример 2).

Часто и в начале фразы звучит квартсекстаккорд, мелодия движется по его звукам вверх симметрично каденционному нисходящему ходу.

Как же речитативная модель среднерусского плача соотносится с данной мелодической формулой? Прежде всего, надо отметить, что в основе казачьих причитаний — тоже нисходящее движение мелодии в пределах большой терции с субквартой. Однако эта кварта, ведущая свое происхождение от голосового сброса в конце плачевой строки, здесь выразительно распевается и даже акцентируется, вместе с подготовительной терцией составляя вышеупомянутый квартсекстаккорд. Окрашиваясь характерным для казачьего пения красивым мягким вибрато, кварттовый сброс голоса сразу меняет речитативный характер плача. Этот интервал в местной традиции был переинтонирован.

3 Плач. Хутор Становский Алексеевского района Волгоградской области⁹

Музыкальный пример 3 представляет собой запись плача. Он состоит из четырех строк нотной записи в ключе G (два диэза) и размере 4/4. Каждая строка содержит ноты и русские слова под ними. В начале первой строки стоит знак «-92». Мелодия строится на основе квартсекстаккорда (G-A-B-C), который проявляется в нисходящем движении на последних слогах фраз.

Дэ ми - ла - я а ты ма - я дру - же - ч - ка.

Дэ што ш ты так до - лга ни - ча - во мне ни - гва - рить.

И ни - ка - ко - ва ты мне ска - нда - лу не де - лы - ишь.

И бу - ва - ла ты всё ме - ня ру - гал

⁹ Зап. в 1999 г. экспедицией под рук. Н. Н. Гиляровой от А. И. Васильевой 1905 г. р. И3927-01. Нотация М. С. Альшулер.

Когда исполнительница входит в нужное эмоциональное состояние («я кричать хочу»), обращается она к слушательницам и получает разрешение: «ну кричи!», напев причитания не изменяется, только голос становится более надрывным.

Все поминальные плачи Волгоградской области из архива НЦНМ исполняются в одном ладу. Это всегда большая терция (с субквартой), которая даже на протяжении длинных плачей не меняется на малую или нейтральную. Такая устойчивость лада представляет собой первую важную черту в рассматриваемом нами материале.

Отдельно надо оговорить, что большая терция и тот мажорный квартсекстаккорд, который постоянно очерчивается в причитаниях, никак не противоречит трагичности выражаемых чувств; малая терция и минорный лад не являются необходимыми для выражения печальных эмоций в фольклорной музыке. И. И. Земцовский в качестве доказательства того, что погребальный мелос относится к ритуально-заклинательному типу, приводит наличие в интонационном словаре плачей «мелодий, условно говоря, мажорного наклонения и ангемитонных, присущих исключительно обрядовому мелосу и, казалось бы, в принципе чуждых плачу как таковому, в его современной интерпретации» [6, 3].

Движение голоса по звукам мажорного квартсекстаккорда — вообще типическая интонация для казачьего мелоса, ее можно встретить в самых разных жанрах. Приведем некоторые примеры:

4 Военно-бытовая песня¹⁰

Ай да Ма - шу - чья па са - (я) - ди - ку ды пра - шла да

5 Колыбельная¹¹

Ай, лю - лю - шки, лю - лю - шки, при - ле - те - ли гу - лю - шки

6 Масленская песня¹²

1. Ай, на - пи - са - ли - то ме - пе

¹⁰ Опубликовано в сборнике «Голоса Хопра», №35 [2, 60].

¹¹ Там же, №13 [2, 32].

¹² Пример опубликован в [9, 54], песня военно-бытовая. В сборнике Листопадава песни с зачином по звукам мажорного квартсекстаккорда встречаются очень часто (например, во II томе это протяжные песни №9, 20, 21, 24, 32, 47, 63, 71, 72, 74, 79, 90, 97, 98, 109, 114, 117, 130, 132, 137, 140, 163, 170, 171, 190, 202. И это только зачины, которые очерчивают незаполненный квартсекстаккорд.

Второй важной особенностью казачьих плачей является их строение. В целом для русских похоронных причитаний типична строчная форма с переменным количественно-слоговым и музыкально-временным объемом. Но иногда в них появляется тенденция к объединению строк в единые смысловые блоки — так называемые тирады. Обычно это происходит благодаря повторяющимся в некоторых строках определенным мелодическим оборотам в каденциях¹³. Что касается причитаний, зафиксированных на верхнем Дону, в них есть очевидное стремление к строфичности; здесь строки обычно объединяются попарно.

Например, в похоронном плаче из х. Яминский Алексеевского района все каденции представляют собой спуск по звукам мажорного квартсекстаккорда, однако ритмически оформлен он по-разному. В четных строках происходит остановка голоса на первой ступени, выразительное паузирование и лишь потом допевание нисходящей кварты.

7 Похоронный плач. Хутор Яминский Алексеевского района Волгоградской области¹⁴

И ра - ди - мы - я и ты ма - я ма - му - ню - шка
И на - го - рю ты ми - не зы - ра - ди... и - ла.
И не - ща - сны - ей ты ми - не до - лью,
до - лью ны - дя - ли - - - (и) - ла.
И встань - ка, встань, ма - я ра - ди - мы - я,
и ты встань, пра - сны - - - (и) - ся.
И при - ля - ти, ты ма - я ма - му - ню - шка,
ты на сва - ю на - дво - - - (о) - рю

¹³ Об этом подробнее см.: [1, 88–94], [8, 196].

¹⁴ Зап. в 1970 г. экспедицией под рук. А. С. Кабанова от Д. И. Степановой 1905 г. р. И1214–28. Нотация М. С. Альшулер.

Так же причитали в хуторах Беспаловский и Фирсово соседнего Урюпинского района.

В причитаниях из станицы Усть-Бузулукская (от разных исполнительниц) нечетные строки останавливаются на пятой ступени, а четные на первой.

8 Плач. Станица Усть-Бузулукская Алексеевского района Волгоградской области¹⁵

А ми - лы - я ма - я ма - ма - ню - шка,
и ку - ды ты у - ли - те - ла.
И как уж я биз ти - бя жить бу - ду - та,
и хто мне че - вой ска - жить.
И вон а - на ка мне при - ха - ди - ла,
и ты ма - я ро - дне - ньки - я.

Иногда парность возникает внутри одной строки, чему способствует синтаксическое членение стиха на полустишия. В этом случае тоже возникает вопросо-ответное согласование фраз: первая завершается на неустойчивой ступени (пятой или второй), вторая фраза движется к устью (см. пример 9).

Примечательно, что такой мелодический тип и вопросо-ответное соотношение фраз возникают в другом, тоже сольном, фольклорном жанре в традиции казачества — колыбельных песнях (см. пример 10). Сравним мелодию последнего примера с мелодией записанной в соседнем Новоаннинском районе колыбельной со старинным текстом про татарский полон. Стих так же делится на полустишия, и каждая фраза заканчивается на тех же ладовых устоях (соотношение II-I).

¹⁵ Зап. в 1970 г. экспедицией под рук. А. С. Кабанова от У. Д. Колесовой 1905 г. р. И1303-18. Нотация М. С. Альтшулер.

9 Плач. Станица Добринская Урюпинского района Волгоградской области¹⁶

$\text{♩} = 72$

И ра - ди - ма - я ты, ты ма - я ма - му - ню - шка.
 И на ка - во жа ты, ты мя - ня спа - ки - ну - ла.
 И с кем я ти - перь ду - му бу - ду ду - (у) - мать.
 И к ка - му я ти - перь сва - ю га - ло - ву - шку при - кла - ну.
 И ра - ди - ма - я ты ма - я ма - му... [не магу больше]

10

Кольбельная. Станица Краснокоротковская
Новоаннинского района Волгоградской области¹⁷

$\text{♩} = 80$

Та - та - ры шли, ка - вы - лу жгли.
 В па - лон бра - ли ста - рых ста - рух.
 Са - жа - ли их в тё - мна - ю тя - мни - цу.
 Да - ва - ли им три де - ла де - лать.
 На пе - рва - ю де - ла ру - чка - ми ку - де - ле - чу прясть.

¹⁶ Зап. в 1970 г. экспедицией под рук. А. С. Кабанова от Е. Я. Горбуновой 1908 г. р. (уроженки х. Студеновский). И1208–23. Нотация М. С. Альшутер.

¹⁷ Зап. в 1997 г. экспедицией под рук. Н. Н. Гиляровой от Н. В. Лариной 1924 г. р. И3714–27. Нотация М. С. Альшутер.

На мелодическую общность колыбельных с причитаниями уже указывали исследователи на примере севернорусского материала [13, 157–158], [4, 47]. А. Н. Ивановым на пограничье Воронежской и Белгородской областей была даже зафиксирована традиция причитаний над колыбелью [7].

Все описанные особенности музыкального языка сохраняются и в плачах, исполняемых с высоким эмоциональным накалом. Мелодический остов и ладовые опоры остаются на своих местах даже в этот момент. При экспрессивном исполнении уходит мягкое красивое вибрато, голос дрожит и прерывается, пение насыщено паузами (см. пример 11).

Мы видим, что в столь эмоциональном плаче могут разрушаться некоторые устойчивые элементы этой сложившейся системы; так, не допеваётся каденционный сброс, с потерей последнего слога в тексте мелодия уходит в физиологический всхлип. Всплипы появляются также и внутри строки, плачая на одном и том же звуке многократно повторяет один и тот же слог, не в силах перейти к следующему. Это единственное причитание среди имеющихся у нас, в котором мелодия не очерчивает звуки мажорного квартсекстаккорда, а спадает вниз по минорному трезвучию, иногда еле угадываемому.

11 Плач. Станица Добринская Урюпинского района Волгоградской области¹⁸

Де-ты-чка ты - - ы - ы - ы ма-я ты Ва-се-чка,
И как я па та - бе - е - е - е - е мы-я де-ты-чка са-ску-чи-лась.
И ни-кто-та, ни-кто - о мя-не не при-га-лу-бит,
И ни-кто-та, и! и! ни-кто ме-не не при-ла-ска-ит

В архиве НЦНМ есть запись, сделанная на похоронах в хуторе Салтынь Урюпинского района в 1971 году. На ней среди общего шума можно расслышать очень короткий фрагмент похоронного плача, в котором тоже сохраняется описанная нами схема: первая фраза останавливается на второй ступени, а вторая на пятой.

Искусство плачей, как и почти любое сольное высказывание в фольклоре, импровизационно. В диссертации на примере плачей Рязанской, Пензенской,

¹⁸ Зап. в 1970 г. экспедицией под рук. А. С. Кабанова от А. М. Антоновой 1903 г. р. И1208–24. Нотация М. С. Альтшулер.

Брянской областей мы рассматривали, как исполнительницы поминальных плачей талантливо варьируют не только поэтический, но и музыкальный текст, «работая» с паузированием, всхлипами и хрипами, изменяя темп или регистр плача. Про плачи на Дону А. Листопадов писал: «свободные импровизации в донских казачьих песнях встречаются только в “причитаниях”», и уточнял, что исполнительница плача «не только повторяет чье-либо причитание (напр., старшей сестры), которое она запомнила в свое время, но обычно создает и собственное» [10, 25]. Судя по тем похоронным и поминальным причитаниям, которые есть в нашем распоряжении, импровизации эти касаются в основном текста. В напеве же исполнительница больше полагается на услышанную ею схему и повторяет ее довольно точно; нам думается, что следование определенной мелодической модели может облегчить психологическое состояние плачеи.

Итак, при сравнении с причитаниями других регионов казачьи похоронные плачи обнаруживают удивительную стабильность музыкально-поэтической системы — твердо закрепленные формульные блоки есть не только в текстах причитаний, но и в их напевах. Компоненты, являющиеся мобильными в плачах средней России, здесь типизируются и становятся устойчивыми. Возникает местный плачевый канон, в котором ладомелодический комплекс находится в определенном соотношении со строфической организацией фольклорного произведения. Исследователь донской казачьей традиции Т. С. Рудиченко пишет о том, что «самобытное начало сосредоточивалось в сфере интерпретации — создание казачьих вариантов общерусских песен посредством их воплощения в местном исполнительском стереотипе» [11, 50]. Похожие процессы мы наблюдаем и на материале похоронных причитаний.

Использованная литература

1. *Альтшулер М. С.* Похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование. Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2007. 158 с.
2. *Гилярова Н. Н.* Голоса Хопра. М.: Научтехлитиздат, 2001. 91 с.
3. *Гилярова Н. Н., Морозов И. А.* Опыт комплексного обследования местной традиции: Шацкий этнодиалектный словарь // Музыка устной традиции. Материалы международных конференций памяти А. В. Рудневой. М., 1999. С. 200–212. (Научные труды Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского. Сб. 27).
4. *Ефименкова Б.* Северные байки. М.: Советский композитор, 1977. 80 с.
5. *Земцовский И. И.* Проблема варианта в свете музыкальной типологии // Актуальные проблемы современной фольклористики. Сб. статей и материалов. Л.: Музыка, 1980. С. 36–50.
6. *Земцовский И. И.* Похоронная причеть как этномузыковедческая проблема // И. И. Земцовский. Из мира устных традиций. Заметки впрок. СПб.: РИИИ, 2006. С. 132–146.
7. *Иванов А. Н.* Причитания над колыбелью, записанные в Южной России // Живая старина. 1994. №4. С. 40–43.
8. *Кастров А. Ю.* Напевы пудожских причитаний тирадно-строфической композиции // Русский фольклор. Т. XXIX. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. С. 192–241.
9. *Листопадов А.* Песни донских казаков. Т. II. М.: Музгиз, 1950. 586 с.
10. *Листопадов А.* Песни донских казаков. Т. V. М.: Музгиз, 1954. 357 с.
11. *Рудиченко Т. С.* Донская казачья песня в историческом развитии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. М., 2005. 56 с.
12. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. IV. М.: Международные отношения, 2009. 649 с.
13. *Якубовская Е. И.* О напевах колыбельных песен юго-западных районов Архангельской области // Русский фольклор [материалы и исследования]. Т. XXXII. СПб.: Наука, 2004. С. 146–161.

References

1. Al'tshuler, M. S. (2007). *Pokhoronnye prichitaniya. Vidy, formy, genezis, bytovanie* [Funeral Laments. Types, Forms, Genesis, Existence]. Ph. D. diss. (in Russian).
2. Gilyarova, N. N. (2001). *Golosa Khopra* [Voices of Khoper]. Moscow, Nauchtekhlitizdat. (in Russian).
3. Gilyarova, N. N., Morozov, I. A. (1999). Opyt kompleksnogo obsledovaniya mestnoy traditsii: Shatskiy etnodialektnyy slovar' [The Experience of Comprehensive Survey of Local Tradition: Shatsk Ethnodialect Dictionary]. In *Muzyka ustnoy traditsii* [Music of the Oral Tradition]. Materials of the International Conference in Memory of A. V. Rudneva, 200–212. (Scientific Works of Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Vol. 27). (in Russian).
4. Efimenkova, B. (1977). *Severnnye bayki* [Northern Lullabies]. Moscow, Sovetskiy kompozitor. (in Russian).
5. Zemtovskiy, I. I. (1980). Problema varianta v svete muzykal'noy tipologii [The Problem of Variant in the Light of Musical Typology]. In *Aktual'nye problemy sovremennoy fol'kloristiki* [Actual Problems of Modern Folklore Studies]. Collection of articles and proceedings, 36–50. Leningrad, Muzyka. (in Russian).
6. Zemtovskiy, I. I. (2006). Pokhoronnaya prichet' kak etnomuzykovedcheskaya problema [Funeral Lamentation as an Ethnomusicological Problem]. In *Iz mira ustnykh traditsiy. Zametki vprok* [From the World of Oral Tradition. Notes for Future Use], 132–46. St. Petersburg, Russian Institute of Art History. (in Russian).
7. Ivanov, A. N. (1994). Prichitaniya nad kolybel'yu, zapisannye v Yuzhnoy Rossii [Lamentations over the Cradle, Recorded in Southern Russia]. *Zhivaya starina* [Live Antiquity], Vol. 4, 40–3. (in Russian).
8. Kastrov, A. Yu. (1996). Napevy pudozhskikh prichitaniiy tiradno-stroficheskoy kompozitsii. [Chants of the Pudozh Lamentations of the Tirade-Stanza Composition]. *Russkiy fol'klor* [Russian Folklore]: Proceedings and Research, Vol. 29, 192–241. St. Petersburg, Nauka. (in Russian).
9. Listopadov, A. (1950). *Pesni donskikh kazakov* [Songs of the Don Cossacks], Vol. 2. Moscow, Muzgiz. (in Russian).
10. Listopadov, A. (1954). *Pesni donskikh kazakov* [Songs of the Don Cossacks], Vol. 5. Moscow, Muzgiz. (in Russian).
11. Rudichenko, T. S. (2005). *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii*. [Don Cossack Song in Historical Development]. Abstract of D. A. diss. Moscow. (in Russian).
12. _____. (2009). *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]. The ethnolinguistic dictionary in 5 vols., edited by N. I. Tolstoy, Vol. 4. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. (in Russian).
13. Yakubovskaya, E. I. (2004). O napevakh kolybel'nykh pesen yugo-zapadnykh rayonov Arkhangel'skoy oblasti [About Melodies of Lullabies in the Southwestern Districts of the Arkhangel'sk Region]. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]: Proceedings and Research, Vol. 32, 146–161. St. Petersburg, Nauka. (in Russian).